

Руан приблизился, и герцог слегка отпрянул, всё ещё выглядя подавленным.

Похоже, шок от того, что он непреднамеренно причинил боль Руану, потряс его глубже, чем можно было подумать.

«Я не могу просто оставить его в таком состоянии...»

Руан взглянул на угрюмого герцога и в его глазах блеснул многозначительный огонёк.

* * *

Как лапа зверя, меч герцога обрушился вниз.

Хрусть—

С звуком, больше напоминающим дробление, чем рассечение, куски каменных мышц орка были разорваны по пути меча.

Это было смертельное ранение, которое должно было мгновенно оборвать его жизнь. Но меч герцога не остановился на этом.

Прорезав плоть орка, клинок плавно развернулся и устремился к задней части плеча.

Вжжж!

Меч вонзился в шею орка, атаковавшего сзади, и пронзил её насквозь. Тот замер, даже не успев зарычать.

Используя меч, застрявший в массивном теле, как опору, герцог плавно развернулся.

Рука, держащая меч, сделала резкое движение, и клинок, застрявший в шее орка, повернулся.

Хрум—

Ощущение того, как твёрдые кости шеи орка были раздроблены, передалось через меч. Тем временем, повернувшись к орку лицом, герцог сжал рукоять меча ещё сильнее.

Хрусть!

Снова заскрипели ломаемые кости.

В тот момент, когда шейные позвонки не выдержали чудовищной силы, нога герцога ударила в твёрдую грудь орка.

Бах!

С оглушительным звуком тело орка с почти оторванной шеей, насаженное на меч герцога, разлетелось в разные стороны.

Ещё до того, как кровь успела брызнуть из разорванной плоти, взгляд герцога уже устремился на новую цель. Монстр, нацелившийся на спину солдата, занятого сражением с другим орком.

Его мощные мышцы бёдер напряглись, и он бесшумно прыгнул, устремляясь к спине монстра.

Хлобось!

Одним ударом затылок монстра был разорван.

А через мгновение, когда чёрная кровь фонтаном хлынула из разодранной плоти, тело монстра завалилось набок.

Герцог ловко отпрыгнул, чтобы не запачкаться кровью монстра. Он крайне не любил, когда на его тело попадало что-то грязное.

...А особенно после того, как советник, поймав его после охоты, тщательно вымыл его.

Тем временем отряды солдат, сгруппированные по десять человек, успешно добились своих противников.

И только тогда, оставив солдат, переводивших дыхание после боя, герцог, который разделался с врагами таким образом, что его советник, будь он здесь, наверняка бы озадаченно спросил: «Это что, мощный кошачий удар... и удар задней лапой?» — осмотрел окрестности.

Лето и осень — сезоны с относительно меньшим количеством атак монстров.

В отличие от зимы, когда все силы владения брошены на отражение нескончаемых атак, в это время года есть небольшой запас времени. Рейнке обычно использовал эту возможность для зачистки поселений монстров, которые приблизились к городским стенам.

Это помогало предотвратить крупномасштабные атаки, заранее уменьшить численность

монстров и подготовить к бою неопытных новобранцев.

Сегодня они тоже вывели рыцарей и солдат, чтобы зачистить поселение орков, обнаруженное разведчиками.

Из двадцати пяти орков осталось только два или три. Ликвидация самого крупного поселения, с которым они сталкивались в последнее время, завершилась с минимальными потерями.

Такое стало возможным только потому, что сейчас было лето, и монстры ещё не начали стремительно размножаться.

Но чем холоднее становился ветер, тем более свирепыми становились монстры. Их численность увеличивалась с каждым днём.

А когда наступала зима...

Герцог посмотрел на бескрайнюю равнину, простирающуюся перед стенами Рейнке.

В разгар зимы эта равнина будет покрыта бесконечной ордой монстров.

Волна монстров, которая продолжает накатывать, сколько бы их ни уничтожали. Нашествие монстров.

Думая о предстоящей зиме, герцог направился к самому большому дереву поблизости.

Глядя на дерево, будто что-то измеряя, он поднял меч и опустил его на ствол.

Вжик—

На коре старого дерева остался длинный порез.

Герцог взмахнул мечом снова, оставляя ещё один след чуть ниже.

Это была метка территории Северного Герцога. Знак его воли — любой, кто осмелится пересечь границу, несмотря на эту метку, обречён на смерть.

Тем временем, когда оставшиеся орки, казалось, были уничтожены, сзади послышался звук рыцарей, собирающих группы монстров.

Герцог опустил взгляд на свой меч. Лезвие, которое только что прорубало тела орков, было

покрыто липким жиром и чёрной кровью.

Испытав лёгкое раздражение от этого, он резко взмахнул мечом, чтобы стряхнуть кровь. Капли тёмной крови брызнули на землю.

Но этого было недостаточно, чтобы очистить меч от следов боя.

Герцог решил заняться своим мечом, как только вернётся.

Ведь меч — это продолжение его когтей.

«...»

Когти.

Говоря о когтях.

Взгляд герцога, следуя ходу мысли, остановился на его руке.

На его передней лапе с когтями, которые недавно подстриг его советник.

На самом деле, советник уже давно ныл, уговаривая герцога позволить ему подстричь когти.

Конечно, сражаясь в человеческой форме герцог в основном использовал меч, так как его обычно сопровождали рыцари. Это означало, что подстригание когтей не привело бы к критическому снижению его боевых способностей.

Советник знал это, и именно поэтому продолжал настаивать.

Но герцог никогда не соглашался.

Быть удерживаемым чужими руками, вынужденным выпустить когти и позволить их подстричь лезвием, которое кто-то держал? Как могло существовать столь унижительное действие? Одна мысль об этом была ужасна.

Более того, позволить подстричь когти означало предоставить в свободное распоряжение чувствительные лапы, одновременно ограничивая собственные движения.

Независимо от того, насколько герцог доверял своему советнику, это не было особенно приятной мыслью.

Честно говоря... независимо от доверия, это было более проблематично, потому что это был именно он.

Советник и без того при каждом удобном случае заглядывался на лапы герцога. Отдать их в его руки, чтобы тот делал с ними что хотел? Полный абсурд.

Герцог всё ещё помнил, как советник схватил его и собственноручно вымыл. Он не имел ни малейшего намерения снова терпеть такое унижение.

Именно поэтому он твёрдо решил: никогда не позволять стричь свои когти.

Так и было.

Точнее, должно было быть.

Но...

Всё изменилось, когда он ранил советника.

Внутренний хвост герцога поник, когда он вспомнил образ своего хрупкого советника, истекающего кровью.

Герцог был готов поклясться, что никогда не хотел причинить ему вред.

Герцог знал, что его советник был исключительно слабым представителем и без того легко умирающего человеческого рода. Настолько слабым, что он мог потерять память от удара орка и внезапно заболеть, даже когда ничего не происходило.

Он помнил, как тот не приходил в сознание, несмотря на принятые лекарства, помнил его прерывистое дыхание и горячее, бессильно раскинувшееся тело.

Хотя теперь он был уверен в своей способности идеально ухаживать за больным человеком, в отличие от того неуклюжего дня... Но всё же, видеть советника в таком состоянии он больше не хотел.

Болезнь советника теперь была гораздо большей угрозой для герцога, чем тогда.

Так зачем ему пытаться причинить ему вред?

В тот момент герцог просто хотел избавиться от этого раздражающего предмета. Точно так же, как ломал и выбрасывал каждую расчёску, которую советник приносил на его глаза.

Советник с завидным упрямством подсовывал расчёски всякий раз, когда находил подходящий момент, и герцог сломал уже бесщётное их количество.

Все предыдущие разы советник, с его отвратительно плохой реакцией и динамическим зрением, ни разу не успевал среагировать на скорость герцога. Он думал, что так будет и в этот раз...

И в этом была ошибка.

Неожиданно советник двинул рукой.

Так внезапно, что даже герцог, с его исключительными рефлексами, не успел среагировать.

Ранение советника стало для него настоящим потрясением.

Он давно знал, что его советник хрупок... но чтобы истечь кровью из-за такого пустяка.

В ту ночь, потрясённый, герцог даже не смог лечь рядом с ним, как обычно. Он боялся, что, если подойдёт слишком близко, то случайно снова причинит ему вред.

На следующий день было то же самое. Всякий раз, когда он видел следы от когтей на руке советника, его сердце сжималось, и он не мог заставить себя приблизиться к нему.

А потом наступила ночь. Герцог, как обычно, отправился в их спальню, раздумывая, что делать...

И вдруг советник сам подошёл к нему.

— Ваша Светлость. Со мной всё в порядке. Мы проводим вместе весь день, и даже спим в одной постели. Думаю, такое вполне могло случиться. Иногда я... случайно наступаю на хвост Вашей Светлости, когда в комнате темно.

Герцог не мог с этим не согласиться. Его советник, обладая отвратительным ночным зрением, действительно нередко наступал ему на хвост. Великодушный герцог, понимая, что это из-за природных недостатков советника, всегда прощал его с присущей ему благородной терпимостью.

— Но ведь мы не можем вечно держаться на расстоянии, верно? Мне этого тоже не хочется. Поэтому...

Герцог и сам не был доволен происходящим. Он хотел касаться советника, делиться теплом

и обмениваться запахами, чтобы чувствовать себя спокойно.

Его уши слегка дрогнули, прислушиваясь к голосу советника.

А тот, с каким-то странным выражением, произнёс:

— Если Ваша Светлость находит этот инцидент шокирующим, как насчёт того, чтобы немного подстричь когти?

<http://bllate.org/book/12567/1117798>